

Эшиев А.М.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЭЗИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

A.M. Eshiev

INTEGRATIVE TRENDS IN THE POETRY OF THE MIDDLE AGES

УДК: 371.3(575.2)(04)

Рассматриваются отзывы и взгляды современников и востоковедов, литературоведов разных времен о творческой деятельности выдающихся знаменитостей средневекового восточного ренессанса, их поэзии гуманистическо-дидактического и философско-этического содержания.

The recommendations and opinions of contemporarists and orientallists, specialists in literature of different times, about the creative activity of two outstanding prominents of the mid-aged east renaissance Abdurahman Djami and Alisher Navoi are under consideration, their poetry are of humanistic-didactical and philosophical contents.

XV в. в Герате утверждался один из культурных центров Востока, и связан он был с именем мудрого визиря и великого поэта Алишера Навои Под покровительством Навои получили самые благоприятные возможности для творчества такие выдающиеся музыканты той эпохи, как Устад Кул Мухаммад, Шейх Найи и Хусейн Уди, и такие талантливые художники, как Бехзад и Шах Музаффар. Близким другом Алишера Навои был и творивший в это время в Герате великий поэт Востока Абдурахман Джами. Алишер Навои стремился создать в Герате атмосферу творческих поисков и дискуссий, и это делало Герат городом ученых, философов и мыслителем. Здесь раскрылся талант ученых-естественников - Муллы Шейха Хусана, Муллазаде, который, как писал Бабур, преподавал науки, когда ему было 14 лет, а также Муллы Масуда Ширвани, Муллы Абдалгафара, Мира Мухаммада Юсуфа и многих других [1:193]. Узбекский литературовед Хамид Сулейман отмечает, что Алишер Навои оставил нам 45 тысяч строк стихов на тюркском языке, составляющих четыре дивана (сборник лирических стихотворений) и более 12 тысяч строк стихов на персо-таджикском языке, составляющих его знаменитый сборник «Дивани Фани» (для своих персидских стихов Навои принял поэтический псевдоним Фани – тленный). Он совершенствовал и продолжал лучшие традиции тюркских поэтов: Хорезми, Сейфон Сарои, Атаи, Саккаки, Лютфи, а также персидских поэтов Саади, Хафиза, Эмира Хосрова Дехлеви, Джами и др. [2:426].

В богатейшем литературном наследии Навои особое место отводится его «Пятерице», написанной в подражание азербайджанскому поэту XII в. Низами Гянджеви. Мысль о создании этого цикла принадлежит учителю и наставнику поэта Абдурахману Джами. Сам Джами тоже писал «Пятерицу». С тех пор подражание (назира) «Пятерице» стало традицией средневековой восточной поэзии. По определению Е.Э. Бертельса назира – своеобразные поэтические произведения, в которых поэт отвечал на какое-нибудь стихотворение своего предшественника или современника, сохраняя метр и рифму его стихотворения. Поэтому изучать того или иного поэта, так сказать «имманентно», без учета отношений к другим авторам – занятие бесплодное, не позволяющее прийти к каким-либо существенным выводам. По мнению знаменитого востоковеда уроженец Средней Азии Камал Худжанди – прекрасный поэт, но, не выяснив отношения его творчества к творчеству ширазца Хафиза, судить о нем нельзя, и, главное, невозможно показать его оригинальность. Интересно, в каком положении оказался бы человек, изучающий «Хамсу» Навои, не зная о существовании великого поэта Низами? [3:24].

Из многочисленных подражателей «Хамсе» Низами первым достиг большого успеха Эмир Хосров Дехлеви (1253-1325), индийский поэт, пишущий на фарси-дари. Вторым и наиболее удачным творческим подражанием было у поэта Абдурахмана Джами. Полную «Пятерицу» на тюркском языке впервые создал Низамеддин Алишер Навои. Он написал их за два года и получил восторженный отзыв лучшего знатока поэзии Джами. Алишер Навои в начале своей поэмы «Фархад и Ширин» «О Каламе, о Низами, о Хосрове» напишет такие бейты:

А предо мной слоны: гянджинский слон,
Поистине – он исполинский слон!
Да и второй – не столь гигантский слон,
Но слон, однако, индустанский слон!
Обоих ты молитвах помяни,
Обоих милосердьем опьяни.
Побольше мощи Навои прибавь –
И рядом с ними ты его поставь!
Эй, кравчий, видишь, как смятен мой дух,-

Налей две чары в память этих двух!

За них две чары эти осушу,

А за Джами я третью осушу! [4:7]

В произведении узбекского писателя Иззата Султана «Книга признаний Навои» приводится отрывок из «Суждений о двух языках» самого Навои: «...И еще тот, кто был наставником и учителем для (меня) ничтожного, указующий путь истины тем, кто следует путями веры, повелитель и шейх-уль-ислам всех сынов божьих...Мавлана Абдурахмана Джами...из его бодрящих душу утонченных слов и животворящих изящных речей...каждое слово по ценности превосходило жемчуг, а по силе огня было более жгучим, нежели пламенеющий рубин» [5:62].

Узбекский литературовед М.Юнусов отмечает, что своими учителями в области поэзии Навои называет Фирдоуси, Низами, Хафиза и Джами....В своих стихах и во всех поэмах «Пятерицы» Навои высоко оценивает немеркнущие произведения Низами, Хосрова и Джами. В поэме «Семь планет» он называет их кудесниками слова, очаровавшими людей своими стихами, переливающимися, как самоцвет. Однако это не значит, что Навои ограничивается восхвалением и повторением своих предшественников. С одной стороны, «их прелесть придает отвагу» и «пускает в полет» его мечту, с другой – он не может повторять их, слово учителей заменяет своим: «Я изменения должен был внести» [6:328].

Закончив свою «Пятерицу» ошеломленный поэт не зная что делать дальше, идет к Джами за советами:

Пошел к Джами. Ведь он один умел

Открыть мне тайну завершения дел.

Но мучилась сомненьем мысль моя,

Что быстро это дело сделал я.

Ведь каждый живший до меня поэт,

Потратил для «Хамсы» десятки лет.

По стихотворным строкам самого Навои, преподнес он эти законченные поэмы Джами:

Рассыпал рукопись к его ногам,

Подобную индийским жемчугам...

Он всю мою «Хамсу» перелистал,

За бейтом бейт с вниманьем прочитал [7:386].

«Пятерица» Навои написана целиком на тюркском литературном языке. Из этого следует вывод, что Джами владел и тюркским литературным языком.

Но вскоре после окончания «Пятерицы» Навои оказав в немилости у Султана Хусейна Байкары оставил Герат и был послан в отдаленный Астрабад, правителем этого провинциального города. Тем самым на определенное

время он лишился общества близких по образу мысли людей, в особенности Джами, чьими советами поэт дорожил. По мнению известного литературоведа Х.Г.Кор-Оглы горе, постигшее Навои в 1492 г., дало толчок к созданию великолепной книги «Пятерица смятенных». Небольшая по объему, книга посвящена памяти лучшего труда и наставника – поэта Джами, смерть которого потрясла весь Герат, а Навои и его приближенные носили траур по нему в течение целого года. В книге дано предисловие, в котором приведена краткая биография Джами. В первой главе изложены встречи и беседы автора с поэтом. Вторая глава содержит образцы стихотворной переписки двух великих поэтов, которая не прекращалась до последних дней Джами. Выделяются произведения, написанные Джами по просьбе Навои. В заключении Навои перечисляет 14 книг, изученных им под личным руководством Джами, рассказывает о кончине поэта и приводит текст элегии на смерть Джами, написанный Навои в день смерти поэта [8:60].

По мнению литературоведа С.А.Азимджановой «Бабур-наме» содержит многочисленные сведения о литературной среде самого Бабура. На основе этих сведений можно воссоздать биографии многих малоизвестных поэтов того времени, живших в Средней Азии, Афганистане и Индии и писавших свои стихи на персидском, а также тюркских языках. В книге много ярких, с большим остроумием набросанных словесных портретов целого ряда его современников – государственных деятелей, поэтов, художников, музыкантов [9:10]. Бабур сам несколько раз упоминает в «Бабур-наме» о великом ирано-таджикском поэте Джами, что время Султан Хусейн мирзы – удивительное время. Хорасан, и в особенности город Герат, были при нем полны ученых и бесподобных людей. Каждый, кто занимался каким-нибудь делом, имел цель и желание довести это дело до совершенства. Одним из таких возвышающихся людей был Маулана Абд ар-Рахман Джами. В его время не было другого человека, столь сведущего в науках явных и сокровенных. Стихи его хорошо известны и достоинства Маулана Джами выше того, чтобы была нужда их восхвалять. Мне пришла мысль начертать на этих ничтожных страницах его имя и упомянуть о некоторых из его качеств только своего благословения и счастья ради [9:185].

Один из представителей восточного Ренессанса Захираддин Мухаммед Бабур пишет, что из поэтов Султан Хусейн мирзы вождем и главой всех был Маулан Абд ар-Рахман Джами, кроме него (знамениты) Шейхим

Сухейли и Хусейин Али Туфейли Джалаир, чьи имена и качества были упомянуты и начертаны в кругу беков и внутренних приближенных Султан Хусейн мирзы [9:187].

И Абдурахман Джами и Алишер Навои поэты мечтавшие своими бесценными произведениями оставить яркий след в сердце разных народов, их талантливые художественные творения глубоко гуманистического содержания с каждым годом находят все больше поклонников, становятся настольными книгами всех народов и времен.

Литература:

1. Г.А.Хидоятов. Моя родная история. Ташкент, «Укитувчи», 1990.
2. Алишер Навои, Сокровищница мыслей. Т.II. Ташкент, «Фан», 1968.
3. Е.Э.Бертельс, История персидско-таджикской литературы. М., Изд. вост. лит., 1960.
4. Алишер Навои. Фархад и Ширин. Т.IV. Ташкент, «Фан», 1968.
5. Иззат Султан, Книга признаний Навои. Ташкент, 1985.
6. Алишер Навои, Семь планет. Т.VI. Ташкент, «Фан», 1968.
7. Алишер Навои, Стена Искандара. Т.VII. Ташкент, «Фан», 1968.
8. Х.Г.Кор-Оглы, Узбекская литература. М., 1968.
9. Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, Глав.ред. энцикл., 1993.

Рецензент: д.филол.н., профессор Зулпукаров К.
